

Книга В. П. Дьяконовой посвящена очень интересной, но еще недостаточно полно разработанной теме — погребальному обряду тувинцев. К сожалению, до самого последнего времени не только в Южной Сибири, но и в других регионах истории уделяют мало внимания этой стороне духовной жизни народов. В статьях, которые время от времени появляются в печати, рассматриваются, как правило, только отдельные узкие вопросы и не раскрывается значение похоронной обрядности как исторического источника. В этом плане книга В. П. Дьяконовой представляет отрадное явление в научной жизни.

Безусловно заслуживают самого серьезного внимания теоретические посылки подхода автора к изучаемому явлению — органическое соединение в единое целое двух групп источников — археологических и этнографических. Такой синтез стал возможным благодаря тщательному изучению В. П. Дьяконовой незаслуженно забытой группы памятников — поздних (XVII—XIX вв.) погребений тувинцев. Именно они явились тем цементом, который помог автору книги заполнить пробел, существующий между археологией и этнографией тувинцев, и во многом по-новому интерпретировать накопленные наукой данные по различным сторонам истории края.

Вывод В. П. Дьяконовой о преемственности погребального обряда населения территории Тувы с XVII по XIX в. дает в известной мере возможность по-новому поставить вопрос о времени формирования тувинского этноса. Не исключено, что сложение его основы следует отнести к несколько более раннему времени, нежели конец XVIII в., как считает часть исследователей истории тувинцев. Это тем более важно, что в письменных источниках этнические процессы в Туве освещены совершенно недостаточно.

Рассматривая поздние погребения, В. П. Дьяконова много внимания уделяет их этнической принадлежности, применяя интересную методику — показ вещей из погребений местным жителям — знатокам старины. Этим способом выясняются названия вещей и их функциональное назначение. Без этнографической работы сам по себе материал из раскопок такие сведения дать не может.

Очень подробно и полно, на большом фактическом материале автор показывает похоронный обряд тувинцев, исповедовавших как шаманизм, так и ламанизм. Несомненно заслуга В. П. Дьяконовой в выделении архаических черт и новых элементов в похоронном обряде тувинцев, составляющих две стороны его существования. Весь приводимый ею материал хорошо показывает развитие и изменчивость комплекса похоронной обрядности, которую большинство археологов и этнографов считали очень консервативной и стабильной. Новые веяния часто вытесняют старое, традиционное, и без поэтапного изучения погребений во многих случаях невозможно перекинуть мостик между памятниками различных эпох. В этом плане следует упрекнуть автора в некоторой категоричности и непоследовательности, когда она акцентирует внимание преимущественно на консерватизме похоронного обряда (стр. 131), приводя в то же время убедительные данные о его изменчивости. Здесь скорее дуализм обряда, тем более, что вся книга доказывает изменчивость комплекса обрядов, обусловленную разными причинами. Причины, вызывающие эти изменения, к сожалению, упомянуты в книге вскользь.

На первое место выдвигается религиозная принадлежность — она и положена в основу классификации. В то же время (стр. 6 и др.), автор справедливо замечает, что похоронный обряд определяется далеко не только религиозным мировоззрением. Этот тезис стоило бы развить. Не секрет, что похоронный обряд существует и в безрелигиозном обществе, имеет свою систему и структуру, которые постоянно видоизменяются, сохраняя при этом что-то от прошлых эпох. Да и ламанизм как причина изменения погребальной обрядности в данном случае выступает не первопричиной — он сам появился в результате смены политической ситуации — завоевания Тувы монгольскими ханами. Изменения социально-экономических условий после Тувинской революции, как об этом пишет автор книги, также привели к изменениям в похоронной обрядности тувинцев-ламаистов.

Подробно рассматривая погребальные сооружения, В. П. Дьяконова не только предлагает их классификацию, но и прослеживает их развитие во времени. Следует отметить, что принцип историзма выдержан в книге очень четко. Несколько меньше внимания уделено интерпретации наземных погребальных сооружений, хотя напрашиваются интересные параллели не только с сибирским, но и среднеазиатским материалом. Эти аналогии тем любопытнее, что в последнее время этнографы открывают все больше и больше шаманских мотивов в бытовом (а порой и в ортодоксальном) исламе народов Средней Азии¹.

К сожалению, автор книги не обратила должного внимания на различные формы связей населения Тувы с западными соседями. Думается, что эти связи нашли отражение в приводимом В. П. Дьяконовой материале. В первую очередь это относится к наземному способу захоронения и связанным с ним формам погребальных сооружений. По целому ряду важных аспектов прослеживаются западные, т. е. среднеазиатские аналогии, и вряд ли правильно проводить параллели в погребальной обрядности и в материальной культуре тувинцев только с их восточными соседями, которым автор от-

¹ «Домусульманские верования и обряды в Средней Азии». М., 1975.

дает предпочтение. Не следует забывать, что происхождение той или иной части культурного наследия любого народа отнюдь не всегда идентично происхождению его современного языка. Культура народов, которые приняли участие в формировании современных тувинцев, далеко не совпадает с культурой восточных тюрков не только наших дней, но и весьма отдаленных времен.

Рассматривая похоронный обряд тувинцев-ламаистов, автор книги приходит к очень важному выводу (стр. 114) об отсутствии у них канонизации этого обряда, о значительном разнообразии похоронной обрядности в однородной (с известными оговорками) этнической и религиозной среде.

Представляется совершенно верным деление В. П. Дьяконовой похоронного обряда на три цикла — действия с момента смерти до похорон, похороны и поминальный цикл. В данном случае применяемый автором книги термин «погребальный обряд» лучше заменить на «похоронный», так как термин «погребальный» в большей мере отражает действия второго цикла, т. е. собственно погребения. Справедливо указывая, что поминальные обряды тувинцев отличаются по своей сути, например, от христианских, автор книги не акцентирует внимание читателей на связи поминального обряда с культом предков. Между тем эти связи хорошо видны из приводимого в книге конкретного материала.

Трудно согласиться с В. П. Дьяконовой (стр. 118), говорящей о нецелесообразности помещения в рецензируемой книге карт, которые показывали бы общее и особенное в похоронном обряде в целом, и в погребальном обряде в частности, у различных групп тувинцев. Такие карты, особенно на фоне расселения тувинских племен XIX в., сделали бы книгу еще более значимой.

Наблюдения автора относительно различий в похоронной обрядности, которые определяются социальным и имущественным положением погребенного, заслуживают самой высокой оценки. Существующее в науке мнение, что поздние погребальные памятники не отражают имущественного и социального положения захороненного, полностью опровергаются приводимым в книге материалом.

Значение выводов В. П. Дьяконовой относительно этнической атрибуции погребений, когда «...формы погребения трупа и устройство погребальных сооружений могут быть различными у одного и того же народа» (стр. 162), далеко выходят за рамки собственно тувинского материала. Как и абсолютное большинство других теоретических положений книги, эти выводы подтверждаются погребальными памятниками народов Средней Азии и части Казахстана, которые исповедовали иную религию. К сожалению, автор книги не дала своего объяснения этим различиям.

В заключение следует сказать, что отмеченные недостатки книги ни в коей мере не снижают ее значения для дальнейшей разработки такого важного исторического источника, как поздние погребальные памятники и похоронный обряд. Представляется, что рецензируемая книга является начальным этапом всестороннего исследования похоронного обряда и погребальных сооружений не только населения Тувы, но и соседних народов Южной Сибири. Несомненно, исследуемый В. П. Дьяконовой источник в значительной мере раскроет свои возможности, если автор книги в дальнейшей работе применит необходимые статистические методы для систематизации материала. Это откроет широкие перспективы, во-первых, в чисто источниковедческом плане, и во-вторых, в этнической атрибуции типов погребений. Особенно важен первый аспект. До недавнего времени подавляющее большинство исследователей, в той или иной степени касавшихся погребальных сооружений, полагали, что их конструкция и сопровождающий инвентарь целиком определяются этническими традициями и религиозными представлениями. Неточность этого положения сразу становится очевидной, как только погребения начинают исследовать с учетом всего комплекса влияющих на них факторов. К таким факторам относятся, наряду с «этническими традициями» и религиозными системами, хозяйство, социальные отношения, ландшафт, демографическая ситуация на данной территории и др. Учесть их при традиционных методах исследования далеко не всегда возможно. Применение многофакторного анализа при изучении погребений раскрывает в полной мере возможности источника и дает ответы на несравненно большее количество вопросов.

С. П. Поляков

К. П. Белобородова. Приамурские узоры. Л., 1975, 106 с., илл.

Возросший в последние годы интерес к декоративному искусству народностей Советского Дальнего Востока вполне закономерен. Благодаря выставкам народного творчества в Москве, Ленинграде и других городах страны это искусство стало известным далеко за пределами Дальнего Востока. Однако широкий читатель до недавнего времени не был с ним знаком. Научные труды по этому вопросу из-за их малого тиража уже теперь стали библиографической редкостью.

И вот появилась, наконец, общедоступная и хорошо иллюстрированная книга-альбом «Приамурские узоры», написанная сотрудником Хабаровского краевого дома народного творчества К. П. Белобородовой.

Перед автором стояла трудная и вместе с тем благородная задача — рассказать в популярной форме об особенностях орнамента народностей Приамурья — нанайцев,